Ю. МАРТОВ (1873 – 1923)

Юлий Осипович Мартов (Цедербаум) – один из активных деятелей социал-демократии, лидер меньшевизма. В революционную борьбу вступил в первой половине 90-х годов. В 1895 г. участвовал в организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вместе с Г. М. Кржижановским и А. А. Ванеевым принял участие в подготовке нелегального органа Союза газеты «Рабочее дело». В 1896 г. арестован и сослан на 3 года в Туруханск. После ссылки в 1900 г. принимал участие в подготовке издания «Искры», входил в состав редакции. На II съезде РСДРП – делегат от организации «Искры», стал во главе «меньшинства». После выхода Ленина из редакции «Искры», в ноябре 1903 г. Мартов возвратился в газету и работал одним из ее редакторов до октября 1905 г. С конца 1903 г. Мартов – один из руководителей центральных учреждений меньшевиков, редактор и публицист многих изданий. Постоянно сотрудничал в московском ежемесячном социал-демократическом журнале «Правда» (издавался с начала 1904 по февраль 1906 г.). В 1907 г. печатался в меньшевистских изданиях – журнале «Привет» и газете «Русская жизнь». С 1908 г. входил в состав редакции органа меньшевиков-ликвидаторов «Голос социал-демократа» до его закрытия 1911 г. На V (Лондонском) съезде РСДРП избран членом редакции ЦО газеты «Социал-демократ». Представляя в редакции меньшевистское крыло партии, он не проявлял особой активности в ее работе, защищал идеи ликвидации нелегальной партии. Несмотря на расхождения во взглядах, В. И. Ленин высоко отзывался о человеческих качествах Мартова, подчеркивая в особенности его мягкость, доброту, интеллигентность. Летом 1911 г. Мартов вышел из редакции «Социал-демократа» и вскоре стал сотрудничать в ежемесячном литературно-политическом, научном и историческом журнале «Современник». Со второй половины 1912 г. до середины 1913 г. Мартов один из идейных руководителей ежедневной меньшевистской газеты «Луч», выходившей в Петербурге. Вторая половина 1914 г. связана у него с ежедневной газетой «Голос», издававшейся Троцким в Париже. Здесь были напечатаны его статьи, направленные против социал-шовинизма. Однако он очень скоро примкнул к центристам. Принимал участие в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. После Февральской революции 1917 г. возглавлял группу меньшевиков-интернационалистов. В сентябре – октябре, а затем в декабре 1917 г. редактор их органа газеты «Искра», выходившей в Петрограде. С апреля 1918 г. редактор меньшевистской газеты «Вперед», выходившей в Москве. С середины 1918 г. она стала органом меньшевистского ЦК, была закрыта за критическую направленность действий Советской власти. В конце сентября 1920 г. Мартов эмигрировал за границу. Тяжелобольной, он направляет последние усилия на создание за границей печатного органа русской социал-демократии. С 1 февраля 1921 г. в Берлине начал выходить журнал «Социалистический вестник», выступавший за плюрализм мнений в политической жизни Советской России, поиск путей сотрудничества большевиков и меньшевиков.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ РУССКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Избави нас, боже, от друзей, а с врагами мы и сами справимся.

Впервые опубликована в «Искре» (1900, № 1, декабрь).

(Посвящается «Рабочей Мысли»)[1]

Уже давно в цивилизованных странах правительства поняли, что рабочее движение невозможно истребить одними мерами полицейского насилия. С давних пор политика насилия чередуется с политикой развращения рабочего класса путем отклонения его от его истинных целей, путем обмана рабочего класса. Рабочим внушалось, что для улучшения своей участи они должны пойти доверчиво рука об руку с правительством, отказавшись от требования политических прав. В 60-х годах эту политику применял во Франции Наполеон III[2], а в Германии Бисмарк.

Жизненный опыт убедил западноевропейских рабочих, что знатные господа, предлагающие им руку помощи, на самом деле самые гнусные

---

[1] «Рабочая мысль» – газета «экономистов», выходила с октября 1897 по декабрь 1902 г. Выпущено 16 номеров. № 1 – 2 напечатаны в Петербурге на мимеографе, с 3 по 11 номер печатались в Берлине, № 12 – 15 – в Варшаве, № 16 – снова в Берлине.

[2] Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808 – 1873) – французский император в 1852 – 1870 гг. Племянник Наполеона I. Низложен Сентябрьской революцией 1870 г.

враги трудящегося народа. Они поняли, что коронованные особы и тунеядствующие дворяне и чиновники не могут быть их союзниками в борьбе с фабрикантами, что никакое улучшение в жизни рабочих непрочно, пока они не пользуются полной политической свободой, которой нельзя добиваться, не уничтожив совершенно всевластия царей, дворян и чиновников.

И западноевропейские рабочие, отказавшись от заманчивых предложений правительства, пошли своей дорогой и собственными силами куют свое счастье. Политика развращения рабочего класса всюду потерпела неудачу.

Вместе с развитием в России капитализма, фабричного производства, растет и рабочее движение, а вместе с ростом рабочего движения создается и для наших правителей соблазн попытаться развратить рабочий класс и отклонить его от уже намеченных целей. Но в западноевропейских странах, где уже давно граждане пользуются кое-какой свободой, там, чтобы сблизиться с рабочими и одурачить их, правительство имеет в своих руках такие средства, как парламент, печать, народные собрания. Чтобы развратить рабочих, там министерствам приходилось создавать свои якобы рабочие газеты или подсылать в законно существующие партии своих людей, которые бы вели на собраниях проповедь союза между рабочими и правительством. В нашем несчастном отечестве единственное место, где правительство может войти в соприкосновение с рабочими, – это кутузка. И благородное дело внесения политического разврата в рабочий класс приходится поручить жандармам. Вполне пригодным человеком для этой высокой цели является Сергей Зубатов[3]. Не старый еще человек, Зубатов уже немало потрудился на благо престола и отечества. Еще юношей подавал он большие надежды. Едва сойдя со школьной скамьи, он в середине 80-х годов втерся в московские кружки и искал сближения с революционерами. Через свою жену он открыл легальную библиотеку, при которой имелось нелегальное отделение, откуда в студенческую и рабочую среду отправлялась революционная литература. Однажды Зубатову было поручено привезти на квартиру к одному деятелю чемодан с нелегальной литературой. Зубатов выполнил поручение, но через несколько часов на квартиру явились жандармы и произвели у упомянутого деятеля обыск, причем совершенно определенно искали именно чемодан. Чемодана не оказалось, а Зубатова стали остерегаться. Вскоре после того публика,

---

[3] Зубатов Сергей Васильевич (1864 – 1917), жандармский полковник, начальник Московского охранного отделения (с 1896) и Особого отдела департамента полиции (1902 – 1903). Инициатор политики «полицейского социализма» в России.

группирующаяся около библиотеки, была арестована, и при одном из арестов в Петр.-Разумовской Академии Зубатов фигурировал уже в полицейском мундире.

Непосредственно шпионская деятельность Зубатова на этом не кончилась. В 1889 г. он сыграл роль провокатора в деле социально-революционной партии «Самоуправление» и около того же времени он ездил в Шую, где основал рабочий кружок, который потом и предал.

Теперь Зубатов уже достаточно вымарался в грязи шпионского ремесла, чтобы получить право заниматься кровавым делом царского палача. Он поступил в жандармское отделение и стал помощником начальника московского охранного отделения Бердяева, того самого Бердяева, которого Зубатов теперь в разговоре с социалистами называет «держимордой». Содействуя Бердяеву в работе по искоренению революционного движения, как истый царский чиновник, он не забывал и о своих личных выгодах: чтобы подняться наверх по служебной лестнице, ему нужно было спихнуть Бердяева. Для этого Зубатов предлагает Бердяеву план разгрома московских социалистов, указывает, за кем и как следить, кого взять, где произвести обыск. Бердяев приводит план в исполнение, а Зубатов тем временем подает донос, указывая, что тот сделал такие-то ошибки, того-то не досмотрел, там переусердствовал, а потому и крамолы не истребил. Бердяева удаляют и Зубатова назначают на его место.

Теперь Зубатов занял видный пост – ему предоставлено оберегать спокойствие капиталистов и царское самовластие в самом сердце России. Московским революционерам пришлось столкнуться с очень ловким противником. За время своего трения в рабочих кружках он хорошо изучил революционную среду и ее слабые стороны и теперь с успехом воспользовался своим опытом. В широких размерах стало развиваться в Москве провокаторство. Провалы следуют за провалами. Революционная работа в Москве стала крайне трудною. Провокаторство так развилось, что в публике естественно образовалось крайне подозрительное отношение ко всему и ко всем. Отдельные лица и небольшие кружки, работающие среди рабочих, боятся вступить в сношения друг с другом. Приходится сознаться, что социал-демократическое движение в Москве, так много обещавшее в 1896 – 97 гг., в настоящее время переживает период затишья. Конечно, не Зубатову удастся предотвратить его возрождение в будущем.

Зубатов повторяет приемы знаменитого жандарма 80-х годов

Судейкина[4]. Наряду с провокаторством Зубатов широко пользуется средствами развращения попадающих в его лапы неопытных или слабохарактерных людей. С ними он вступает в разговоры, держится по-джентльменски, старается убедить их в том, что он сочувствует рабочему движению, что он очень озабочен смягчением их участи, предлагает всякого рода сделки и соглашения, при которых-де можно и невинность соблюсти и капитал приобрести, т. е. и товарищей не выдать и в то же время получить смягчение участи. Обыкновенно это делается так: обвиняемый соглашается признать кой-какие обвинения, а Зубатов взамен того, заканчивает дознание и направляет дело в упрощенном охранном порядке на решение мин. внутр. дел; таким образом участь обвиняемых решается в несколько месяцев, вместо обычных двух лет предварительного следствия. Многие идут на эту сделку, а те несговорчивые чудаки, которые не соглашаются на такое полюбовное решение дела между социалистами и жандармами, выделяются из общей массы обвиняемых, и их дело направляется в общем порядке. Один из таких несговорчивых товарищей, недавно придя в ссылку, имел сомнительное удовольствие встретить своих бывших товарищей по делу уже кончающими свой срок ссылки, в то время как ему приходилось только ее начинать.

Цель, которую Зубатов преследует при предложении этих сделок, очевидна: ему нужно завести социалистов на скользкий путь мирных переговоров с жандармами. Нужно, чтоб большинство вступило на этот путь: всегда найдутся недогадливые, неумелые, наконец, малодушные люди, которые, согласившись сказать «а», пойдут дальше и проболтают, наконец, всю азбуку; начав с признания того, что, как говорится, «может повредить только мне одному», такой человек начнет мало-помалу делать такие признания, которые очень и очень повредят другим. Иной пойдет дальше и дойдет до форменного предательства. Ни одно большое московское дело за последние годы не обходилось без самых скандальных предательств со стороны лиц, пользовавшихся прежде доверием товарищей.

А всего важнее то, что, когда многие вступают в такого рода соглашения, создается своего рода атмосфера взаимного недоверия и подозрения, в которой своя своих не познаша, и исчезает всякая возможность сообразить, откуда жандармы почерпали свои знания о деле. Нам, по крайней мере, известен случай, когда не удалось точно установить,

---

[4] Судейкин Георгий Порфирьевич (1850 – 1883), жандармский полковник. С 1882 г. – инспектор Петербургской охранки. Организатор политических провокаций. Убит народовольцами.

был ли провокатором известный господин, именно потому, что почти все обвиняемые вступили в соглашение с Зубатовым и «кое-что» признали, каждый за свой счет. Оказалось невозможным решить, совершило ли заподозренное лицо только такую же сделку или же оно первоначально предало всех и вся.

Это и есть политика Судейкина: внести в революционную среду такой разврат, чтобы трудно было отличить, где кончается товарищ, вступающий в приятельские сношения с жандармами и где начинается форменный предатель и провокатор. Судейкин пытался такой политикой расшатать могучую партию «Нар. Воли»[5]. Он обжегся на этом деле. Когда зараза жандармского разврата коснулась сердца партии, Исполнительный Комитет «Народной Воли» смелым ударом положил конец гнусной игре: Судейкин был казнен по распоряжению Исполнит. Комитета. Русские социал-демократы должны направить свои усилия на то, чтобы справиться с провокаторским развратом, не прибегая к политическим убийствам. Будем надеяться, что Зубатов дождется той поры, когда, при свете открытой борьбы за свободу, народ повесит его на одном из московских фонарей.

Успехи, одержанные Зубатовым в Москве, сделали его самым видным деятелем жандармского сыска. Ему стали поручать ведение дел в Твери, Иваново-Вознесенске, Тамбове. С 1899 г. департамент полиции, озабоченный успехами Обще-Еврейского Рабочего Союза, предоставил Зубатову задачу искоренения еврейского рабочего движения.

Зубатовские ищейки подготовили августовский провал 1898 г. в Зап. крае. Были взяты две еврейские типографии, арестована масса лиц. Почти два года предварительного следствия принесли Зубатову сравнительно мало успехов. Тем не менее, по сравнению с местными жандармами, Зубатов кое-чего добился: впервые в процессе Обще-Еврейского Рабочего Союза были случаи оговора; были также случаи заключения сделок упомянутого сорта между Зубатовым и некоторыми обвиняемыми.

Но рабочее движение в Западном крае скоро оправилось от провала и за последние два года приняло открытый политический характер. Организация еврейских рабочих окрепла, и Еврейский Союз, издающий

---

[5] «Народная воля» – наиболее крупная и значительная революционная народническая организация. Возникла в Петербурге в августе 1879 г. Программа: уничтожение самодержавия, созыв Учредительного собрания, демократические свободы, передача земли крестьянам. Во главе исполнительного комитета были Л. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская и др. В 1879 – 1883 гг. имелись отделения в 50 городах. Деятельность: агитация во всех слоях населения, террор – 8 покушений на Александра II (убит 1 марта 1881 г.). После 1881 г. – массовые аресты, идейный и организационный кризис, предательство С. П. Дегаева. Попытки Г. А. Лопатина, П. Ф. Якубовича, Б. Д. Оржиха, А. И. Ульянова, С. М. Гинзбург возродить организацию не удались.

шесть подпольных газет и непрерывно ведущий свою агитационную деятельность, стал внушать правительству все большие опасения.

В марте этого года Зубатов предпринял второй крупный набег на Западный край (Минск и Ковно). Вновь свезена масса арестованных в московскую тюрьму. Пустив в ход обычную тактику, Зубатов в частных разговорах стал уверять арестованных в том, что лишь по недоразумению правительству пришлось встать во враждебные отношения к рабочему движению. Правительство наше, пел Зубатов, не есть правительство классовое, оно не связано с интересами фабрикантов и легко может действовать в интересах рабочих. Для этого нужно только, чтобы рабочие перестали добиваться изменения государственного строя и стремились к улучшению своего экономического положения при существующих порядках. Кассам рабочих и их стачкам наше правительство сочувствует. Если рабочих за эти стачки преследуют, то это не по воле правительства, а по произволу местных чиновников. В таких случаях достаточно сообщить ему, Зубатову, о таких преследованиях, и они прекратятся. Вместо того, чтобы бороться нелегально, еврейские рабочие сделали бы лучше, если бы хлопотали о том, чтобы их тайные кассы были признаны законом. Зубатов обещает полную поддержку в этих хлопотах. Он даже обещал дать 20 тысяч рублей на хлопоты о признании законом союза щетинщиков, который ему очень нравится как организация профессиональная. Заметим, что эта профессиональная организация сознательно примыкает к социал-демократии; между прочим, в майских прокламациях этого года союз открыто выставляет требование конституции.

Освобождая одного из арестованных рабочих, Зубатов на прощание подарил ему «на память» первый том «Капитала» Маркса и заявил, что «разрешает» устраивать кружки саморазвития, лишь бы занятия в них велись по легальным книгам. «Зачем вам Дикштейн[6], когда у вас есть такие книги, как Богданов?»[7] Кое-кто клюнул на эту удочку Зубатова. Среди организованных еврейских рабочих стали раздаваться речи, показывавшие, что зубатовские предложения о союзе рабочих с царским правительством кое-кого соблазнили. Нашлись люди, которые увлеклись мечтой о признании законом царского правительства теперешних нелегальных

---

[6] Дикштейн Шимон (1858 – 1884). В революционном движении с 1887 г. Издал на польском языке популярное изложение Марксовой теории прибавочной стоимости («Кто чем живет»).

[7] Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873 – 1928), деятель российского революционного движения, врач, философ, экономист. Член РСДРП в 1896 – 1909 гг., большевик, с 1908 г. – отзовист, руководитель группы «Вперед». С 1918 г. – идеолог Пролеткульта. С 1926 г. – директор Института переливания крови; погиб, производя на себе опыт.

стачечных касс (вероятно, бедняги начитались «Раб. Мысли»). Когда вспыхнула в одном месте стачка, некоторые товарищи вступили в частную переписку с Зубатовым по поводу преследований местных полицейских властей. Зубатов по телеграфу дал знать, что правительство приняло к сведению эти сообщения. Стали громко раздаваться голоса о том, что Еврейский Союз должен изменить свою тактику по отношению к царскому правительству.

Центральный Комитет Еврейского Союза счел необходимым в минувшем августе выпустить особую прокламацию, в которой разъясняет товарищам всю нелепость и зловредность мечтаний о соглашениях между рабочим классом и Зубатовым, а следовательно и стоящим за его спиной царским правительством. В прокламации выясняется вся невозможность для социал-демократов вступать в сделки с существующим государственным строем и объявляется, что каждый, кто будет поддерживать «политические» сношения с Зубатовым, будет опубликован в газетах как провокатор. Центральный Комитет поступил как нельзя более умно, решившись вложить персты в язвы и открыто выступить при первых признаках грозящей внутренней опасности. Такая политика всегда оказывалась самой выгодной. Уже теперь можно с уверенностью сказать, что зубатовский разврат не затронет ядра еврейского рабочего движения. Громадное большинство сознательных еврейских рабочих с негодованием отвергает политику сделок с подлейшим из русских жандармов.

Мы привели всю эту историю ввиду того, что она имеет громадное значение для всех русских социал-демократов. Если в настоящее время зубатовская политика применена именно к еврейскому рабочему движению, то это потому, что для этого движения уже прошло то время, когда полиция могла тешить себя надеждой покончить с ним при помощи обычных мер насилия и шпионства. С движением русских рабочих пока еще считают возможным справиться обыкновенными мерами. Но так как эти обыкновенные меры в конце концов не помогают, то естественно ожидать в ближайшем будущем жандармских попыток развратить сознательную часть русского пролетариата, подобно тому, как теперь пытаются развратить еврейских рабочих. Как бы ни были мы уверены в том, что о здравый смысл русского пролетариата, в конце концов, разобьется эта интрига, мы не должны закрывать глаза на то, что при настоящем положении нашего движения мы гораздо менее подготовлены к успешной борьбе с зубатовщиной, чем еврейские рабочие всего Западного края. Достаточно указать на то, что сплоченность отдельных групп и комитетов Еврейского Союза дала возможность Центральному Комитету сейчас же,

как только обнаружилась опасность, выступить с предостережением, имея за собой прочную, большую организацию и несколько постоянных органов печати. У нас ничего подобного нет.

И вот почему новая политика правительства по отношению к борющимся рабочим лишний раз настоятельно доказывает нам, насколько нам важно объединение всех сознательных товарищей, насколько важна прочная организация и строгая дисциплина. Против попыток внести политический разврат в рабочее движение бороться с успехом может только крепко сплоченная, дисциплинированная и подвижная рабочая партия. Таков первый урок, который нам, русским социал-демократам, дает история современных зубатовских приключений.

Второй урок еще важнее. Мы переживаем минуту, когда приходится ожидать, что наши правящие враги будут систематически развращать политическое сознание русского пролетариата, чтобы отвлечь его от пути сознательной классовой борьбы, чтобы вырыть пропасть между экономической борьбой рабочих масс и стремлениями сознательных рабочих к политической и гражданской свободе. В такую минуту, прежде всего, следует задать себе прямо и решительно без всякой излишней самоуверенности вопрос: в какой мере мы обеспечены против того, чтобы зубатовская зараза свила себе более или менее прочное гнездо в рядах борющегося пролетариата? Иначе говоря, настолько ли глубоко политическое сознание в наших рядах, чтобы можно было с уверенностью сказать, что всякие заманчивые предложения встретят всегда и всюду надлежащую оценку и отпор?

Каков бы ни был ответ на этот вопрос, одно для нас ясно: русская социал-демократия подписала бы себе смертный приговор, если бы своевременно не приложила все старания к тому, чтобы зубатовская политика разбилась о политическое самосознание русского пролетариата, как о несокрушимую твердыню.

А из этого следует, что, если мы хотим застраховать наше дело от всяких зубатовских сюрпризов, мы должны самым энергичным образом работать над тем, чтобы росту стихийного движения русских рабочих, направленного на улучшение экономического положения, соответствовал рост их политического самосознания. Способствуя возникновению в пролетариате потребности улучшить свое экономическое положение, мы не можем ни на минуту упустить из виду, что недостаточно вырвать рабочие массы из состояния рабской покорности перед капиталистами, но что столь же важно одновременно работать над освобождением их сознания от гнета вековых политических предрассудков, из которых

главные – слепая вера в правительство, в царскую милость и отсутствие сознания себя равноправными гражданами того общества, которое живет трудом рабочего класса. На этой почве политической приниженности и отсутствия гражданского достоинства могут пышным цветом разрастись ядовитые семена зубатовской политики. Только расчищая эту почву глубоким плугом открытой революционной агитации, можно надеяться на то, что массовое движение русских рабочих, борющихся за улучшение экономического положения, не заведет их в тупой переулок, не сделает игрушкой политических шарлатанов худшего сорта.

Освобождение рабочих от всех бед современного строя, в конце концов, сводится к их экономическому освобождению из тисков наемной эксплуатации. Но это экономическое, это социальное освобождение немыслимо раньше, чем рабочие массы не станут из бесправных рабов всемогущей государственной власти равноправными гражданами свободной страны, свободно и на законной почве работающими над делом улучшения своего положения. Экономическая цель рабочего движения поэтому неотделима от политической борьбы, которая одна только может обеспечить достижение этой цели. А потому развитие политического самосознания, революционная пропаганда политической борьбы должны идти рука об руку с экономическим движением рабочего класса. Мы хотим улучшить свое экономическое положение, мы желаем пользоваться всеми благами культуры, которые созданы нашим трудом и нашим искусством, но мы желаем ими пользоваться не как рабы, а как свободные граждане. Свою нынешнюю долю возмущенных голодных невольников мы не станем менять на ту жалкую долю довольных сытых холопов, которую одну только могло бы нам предложить богопомазанное правительство дворян, жандармов и попов. Взамен этой доли мы стремимся к доле свободных граждан свободного государства, которое одно только обеспечит нам и достижение достойного свободных людей экономического положения. Мы стремимся к свободной демократии, через посредство которой достигнем социализма, а на этом пути у нас нет общих дел с правительством дворян, жандармов и попов. Они такой же наш непримиримый враг, как и фабриканты, которых оно поддерживает всеми средствами военного и полицейского насилия.

Не может быть и речи о поднятии нашего положения на фабрике до тех пор, пока за стенами фабрики народные массы бесправны против орды царских чиновников и в государстве царит кнут. Беззаконие и произвол, царящие в государстве, питают и то беззаконие и произвол, которые царят на фабрике. Не улучшив нашего положения как граждан, мы не поднимем

своего положения как рабочих. А потому, борясь против фабрикантов, мы не можем вступать в мирные соглашения с самовластными опричниками. Ни царей, ни господ! Ни эксплуататоров на фабрике, ни тиранов в государстве – вот боевой девиз рабочего движения.

Только неустанно распространяя в самых широких массах это политическое сознание, русская социал-демократия выполнит свой долг и предохранит русский пролетариат от жестокого похмелья, которое неминуемо наступит за первыми днями опьянения зубатовскими песнями.

Неотложная необходимость революционной пропаганды и агитации, призывающих массы к политической борьбе и не отступающих перед вековыми предрассудками отсталых масс, – вот мораль зубатовской истории.

Искра. 1900. Дек. № 1.

РАБОЧИЙ КЛАСС И «РУССКОЕ ЗНАМЯ»

Впервые опубликована в газете «Искра» (1901, № 2, февраль).

У нас принято придавать слишком мало значения тому злу, которое вносит в народную жизнь подлая реакционная печать, одна лишь пользующаяся свободой говорить то, что ей надо, в то время как на всякое честное слово надет цензурный намордник. Мы все, конечно, ненавидим «Свет»[8], «Московские Ведомости», «Новое время» и подобные органы печати, но мы обыкновенно ненавидим в них только представителей враждебных нам классов – дворянства, буржуазии, чиновников. Нам не всегда ясна та вредная роль, которую играет эта печать в деле затемнения народного сознания, в смысле отвлечения все растущих в народе чувств возмущения и протеста в сторону такой борьбы, которая может только вредить народным интересам. У нас сложилась привычка смотреть на сознание рабочих масс как на какую-то чистую доску, на которой «жизнедеятельность», борьба вырисовывает надлежащие идеи, которые агитатору нужно только привести в известный порядок. Началась массовая борьба с капиталистами, зародился в массах протест – этого достаточно, чтобы ручаться за правильное развитие сознания масс. Началась массовая экономическая борьба – и можно быть спокойным за то, что рабочая мысль шаг за шагом освободится от всего наследия веков, от всей лжи одолевших ее предрассудков. Пусть-де только агитатор обуздает свой пыл, пусть не спешит нести массам все то, что он знает: пусть ограничится ясным

---

[8] «Свет» – газета политическая, экономическая и литературная, издавалась в Петербурге в 1882 – 1917 гг. Реакционное, буржуазно-националистическое издание.

формулированием того, что уже бессознательно чувствуется массой. Не насилуйте рабочую мысль, – кричат нам с разных сторон, – не спешите разъяснять рабочим массам те вопросы, понимание которых им еще чуждо, не говорите о политических вопросах, когда масса начала только бороться за насущный кусок хлеба, не спешите говорить о социализме, когда еще не везде понята необходимость борьбы за сокращение рабочего дня. Жизнь сделает свое, – говорят эти советчики, – будет время, и эти хорошие вещи станут уместны, надо только «медленнее спешить», не забегая вперед.

На деле оказывается, жизнь не медлит. Оказывается, что жизнь-то много сложнее, чем это представляют себе проповедники медленного поспешания. Оказывается, что эта жизнь, создаваемые ею классовые противоречия не только расчищают сознание рабочих масс, но подчас и засоряют, затемняют его: если эта жизнь известными сторонами облегчает агитатору просветительно-революционную работу, то другими сторонами, напротив, затрудняет ее, нагромождая на его пути новые препятствия. Оказывается, что на выработку сознания, и чувств массы влияет не одна лишь обстановка фабричного труда, не одни, только отношения рабочих к капиталисту; оказывается, что вся та вредная реакционная политическая проповедь, которою занимается известная часть легальной печати, тоже входит в ту «жизнь», которая является школой воспитания рабочей мысли. Те стороны жизни, которые влияют на сознание масс развращающим образом, вечно развиваются, и каждый шаг в распространении в народе грамотности, каждое возрастание умственных запросов рабочего люда ведет за собой, при современных политических условиях, увеличение той порции нравственного яда, который несут в среду читателей «Новое Время», «Свет» и им подобные литературные клоаки.

В городе Харькове существует «патриотическая» газета «Южный Край»[9], которая издавна стоит в первых рядах реакционной печати. Этот достойный товарищ «Московских Ведомостей» получил монопольное право воспитывать сознание харьковского обывателя: в самом деле, в течение 20 лет правительство упорно отказывает кому бы то ни было в праве издавать другую газету в Харькове. Таким образом, «Южный Край» имеет возможность, не встречая возражений, сеять в умах читателей вражду к полякам, немцам и т. д. Известно, что в рабочем классе все более распространяется чтение местных газет. Падая на благоприятную почву вековых предрассудков, семена «патриотической» печати дают плоды. С

---

[9] «Южный край» – ежедневная политическая и литературная газета. Выходила в Харькове в 1880 – 1919 гг. Отдельные номера издавались с «Иллюстрированным прибавлением». В 1912 – 1917 гг. выходила утренним и вечерним выпусками.

таким плодом мы хотим познакомить читателей.

Этой осенью на громадной пенькопрядильной и канатной фабрике у станции Новая Бавария под Харьковом произошел пожар, после которого администрация стала массами увольнять рабочих, невзирая на то, что многие из них были выписаны в Харьков из Владимирского района. Возникло, конечно, сильное недовольство, выражением которого явилась следующая, распространенная в конце сентября гектографированная прокламация: «Братцы! Долго ли еще мы будем терпеть польское иго? Долго ли мы будем подчиняться хамам Коммеру, Вильгу, Ионнзибургу, Мухарскому и всем негодяям, высасывающим из нас все соки! Неужели, братцы, вновь поляки завладели Малороссией[10], и вся кровь, пролитая русскими за покорение Польши, окажется пролитой даром? Довольно они нас мучили, довольно несправедливо штрафовали, глумились, насмехались над нами. Наши права растоптаны ногами поляков, но мы должны их защищать. Теперь уже больше невмоготу. Все мы на пожаре работали, одежу жгли, руки уродовали, рисковали своей жизнью, а поляки, наши голубчики, папиросы покуривали, посмеивались, чайком да пивом забавлялись. Мы тушили, работали, а нам и горло промочить не дали! А после что? Им награда, а нам расчет! Хороши хозяева!!! Ведь в Польше поляки не принимают русских на свои фабрики. Зачем же у нас полякам дают преимущества: и плата им больше и награда, а нас как дураков неспособных выставляют? Мы не против царя идем, а против врагов России. И полиция, и жандармы спасибо не скажут, когда узнают, что поляков здесь выдвигают, а своих теснят. Не нам одним приходится бороться со своими директорами: не раз их уже в мешки сажали и по двору так катали, да и другие расправы бывали, и на тот свет их отправляли.

«Собраться нам надо, братцы, поговорить ладком, да обсудить как нам проучить всю эту польско-жидовскую сволочь.

«Будем действовать дружно! Вперед, братцы!!! Побольше храбрости, и русское знамя снова гордо взовьется на нашей фабрике!!! Долой поляков!!! Вперед на борьбу и победу!!!»

Бедные рабы капитала! Почувствовав потребность бороться против своего врага, они хватаются за его же оружие, за его же язык, за те самые идеи, которые приспешниками капитала вносятся в сознание рабочих. Бедные рабы! Они вечно слышат, вечно читают о «русском знамени», которое гордо развевается над миллионами порабощенных русским царем

---

[10] Малороссия – название Украины с середины XVII в. в официальных документах царской России и в русской дворянской и буржуазной историографии.

иноплеменников, и они захотели почувствовать себя в счастливом положении победителей, захотели потребовать и себе часть плодов этой победы. На каждом шагу представители буржуазии устраивают свои гешефты, играя на «патриотической» струне: русские фабриканты требуют и получают право грабить весь народ во имя интересов «русской промышленности». Под знаменем «Россия для русских» разные слои буржуазии добиваются права оттеснять своих польских, еврейских и иных инородческих соперников в деле расхищения народного достояния. Мудрено ли, что и кое-каким рабочим пришло в голову воспользоваться этим славным знаменем, чтобы во имя русского дела протестовать против грабительских выходок капитала?

Беда лишь та, что то, что буржуазии здорово, пролетариату смерть. Буржуа может себе позволить в погоне за наживой натравлять один народ на другой, сеять национальную вражду только для того, чтобы под шумок красивых фраз о русском знамени урвать процент-другой барыша. Пролетариат не может себе позволить этого, не может потому, что вся его надежда на улучшение жизни – в солидарности, в единении всех рабочих без различия национальностей, и все, что сеет рознь между разными народностями, мешает делу этой солидарности, тормозит рабочее движение. Вы хотите, господа, выехать на том, что не против царя вы идете, а против «врагов России», на покорение которых русские цари положили немало крови русского народа (и целое море крови этих самых «врагов»). Да, вы правы: поляки, а вместе с ними финляндцы, евреи, армяне, балтийские немцы, все это – «враги России», т. е. той России, которая живет и жиреет вашим трудом, вашим кровавым потом, которая правит и издает законы, которая строит свое благополучие на вашей нищете, на вашем бесправии, на вашем невежестве. Но ведь и вы сами, вы, недовольные своей долей, рабочие, вы ведь тоже «враги» этой России; ведь вы точно так же, как поляки и прочие покоренные народы, составляете того «внутреннего врага», против которого держат наготове миллион штыков, которого бить и колоть по первому приказу начальства обязывает солдат военная дисциплина. Только полгода прошло со времени тех майских дней, когда на улицах Харькова вам был дан наглядный урок того, что вы сами становитесь «врагами России», как только начинаете добиваться своих законных прав; только несколько недель прошло с тех пор, как ваши братья, признанные «внутренними врагами» России, пошли в Вятскую губернию за то, что в майские дни мужественно стояли за рабочее дело. Теперь же вы думаете перейти в лагерь царя, полиции и жандармов, чтобы, став вместе с ними под «русское знамя», устроить свои дела на счет

«врагов России», так же, как и вы, – рабочих, поляков? Плохой расчет, позорная надежда! Враждуя со своими братьями-рабочими и сближаясь со своими врагами, правителями и эксплуататорами, становясь под их залитое кровью и грязью патриотическое знамя, вы только увеличиваете их силу, которая завтра же обратится против вас, как против самых опасных, самых заклятых «врагов России», той России, которая правит, издает законы и грабит рабочий класс.

Да, это верно, что после пожара в Новой Баварии русских рассчитали, а поляков нет. Но это объясняется вовсе не любовью директора к полякам-рабочим. О нет! Они бы и этих рассчитали с удовольствием. Дело просто в том, что, создавая в Харькове новое производство, капиталисты должны были выписывать рабочих издалека, из Владимирского округа и из Польши. Владимирец пошел на чужбину без всяких разговоров, а польский рабочий договорился сначала о достаточно высокой заработной плате и обеспечил себя контрактом так, чтобы его не могли рассчитать в любую минуту, когда он станет ненужным, как бросают лимон, из которого выжаты все соки. Польские рабочие оказались более предусмотрительными и более требовательными, чем русские. И этому удивляться нечего. Ведь польский пролетариат долгой и упорной борьбой двух десятилетий добился у себя на родине и высшей платы, и более короткого рабочего дня, и лучшего обращения, и как ни плохо все еще его положение, все же с ним не решатся поступать так бесцеремонно, как поступают с его русским собратом. Польский рабочий только справедливо пользуется плодами тех тысяч подчас кровавых жертв, которые он положил на дело своего освобождения, точно так же, как и бельгиец, против которого тоже поднимается иногда безумная вражда непросветленных еще сознанием южно-русских рабочих. Принесите рабочему делу такие же жертвы, боритесь и тогда вы подниметесь на ту же ступень, на которой теперь стоит польский рабочий. Но не разжигайте себя завистью, глядя на его лучшие условия труда. Делая это, вы, может быть, ухудшите его положение, но свое-то вы погубите, вырыв непроходимую пропасть между собою и другими рабочими, у которых с вами одно общее дело, и истощив свои силы в братоубийственной войне на потеху буржуазии.

Идите к польским рабочим со словом братского союза и взаимного уважения, признайте справедливость затаенной в их груди горькой обиды, понесенной от варварского покорения; признайте за польским народом право искать себе свободы от всякого гнета; откажитесь от всякой солидарности с той Россией чиновников, попов и капиталистов, которая считает поляков «врагами отечества», и тогда вы найдете в польских

товарищах братский отклик, тогда они пойдут рука об руку с вами на борьбу за рабочее дело.

Недостаточно призывать рабочие массы к борьбе за улучшение их жизни: политической и социалистической агитацией необходимо просвещать их сознание и тем сделать невозможным успех той вредной политической проповеди, которою развращает народную массу легальная и буржуазная печать. Если бы вздумали ограничиться одной только пропагандой экономической борьбы за ближайшие требования, мы рисковали бы тем, что наряду с ростом возмущения против капитала в пролетариате укоренились бы те вековые политические предрассудки, которые вечно питаются влиянием высших классов, воздействующих на народное сознание с высоты престола, с церковного амвона, со школьной кафедры, военной дрессировкой и могучим орудием печатного слова.

Искра. 1901. Февр. № 2.

БУРНЫЙ МЕСЯЦ

Впервые опубликована в «Искре» в № 3 1901 г.

Русское общество уже теперь должно было убедиться в том, что реакционная дерзость самодержавного правительства не имеет никаких пределов, кроме активного революционного сопротивления граждан, что политическая дряблость управляемых только питает безумное стремление управляющих стереть с лица земли все, что хоть отдаленно напоминает о праве, о законности, о свободе. Без всяких видимых поводов, в силу одного только ненасытного стремления упразднить все зародыши самодеятельности населения, правительство повело против последнего атаку по всей линии: поход на Финляндию, поход на народную школу, поход на земство, поход на печать, поход на университеты. Вконец развращенное слабым отпором русского общества, правительство дерзнуло, наконец, бросить ему в лицо один за другим два дерзких вызова: насильно бросить в казарму две сотни юношей, виновных в нарушении порядка в университете, и торжественно осудить популярнейшего писателя, всемирную славу России. Безумие угнетателей часто оказывает услуги делу свободы. Правительство Николая II захотело окончательно задушить русское общество, оно вызвало первый взрыв революционной бури. Высказанное нами в прошлом номере пожелание, чтобы рабочие пришли на помощь студентам[11] в поднятой ими борьбе против

[11] Имеется в виду статья В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов», опубликованная в «Искре» в № 2, февраль 1901 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 391 – 396).

правительства, осуществлялось ранее, чем нас успели обругать за него те, кто в подобных стремлениях готовы усмотреть «народовольческие» затеи, недостойные представителей рабочего движения. В ряде крупных демонстраций в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и Белостоке русские рабочие самым недвусмысленным образом показали, что готовы плечо о плечо с революционными элементами «общества» активно бороться против гнета самодержавия. На обе безумные выходки зарвавшегося правительства – отдачу студентов в солдаты и торжественное отлучение Толстого – пролетариат громко ответил выражением своей солидарности и с «бунтующими» студентами и с отлученным писателем.

Активное участие рабочих в политических демонстрациях бурного месяца придало им совершенно особое значение и открыло новую эпоху в русской истории. Печать всех стран Западной Европы отмечает этот исторический факт. Теперь от политической зрелости русского общества будет зависеть, сумеет ли оно понять этот факт и извлечь из него все практические следствия, сумеет ли оно усилить, опираясь на помощь пролетариата, революционный размах своей борьбы с азиатским самодержавием, и проявить достаточную энергию не только в обороне, но и в прямом нападении на ненавистный строй. Борцам за свободу теперь уже непозволительно опасаться, что они останутся одиноки в своей борьбе, что они не найдут поддержки в народных массах. И организованный пролетариат получил теперь право надеяться, что «общество» поймет, наконец, политический смысл ведущейся им борьбы и что оно признает первенствующее политическое значение рабочего движения в современной России.

Для нас, социал-демократов, события, имевшие место в феврале и марте, имеют особое значение. Ими, надо надеяться, окончательно решен практически терзавший в последние годы нашу партию спор о том, может ли наш пролетариат в данное время вести политическую борьбу, или может ли такая борьба возникнуть иначе, как непосредственно на почве стачечного движения. Мы – сторонники революционной политической борьбы пролетариата – можем торжествовать: русский пролетариат доказал своим близоруким друзьям правоту той точки зрения, которую мы отстаивали. Помимо своих руководителей, пролетариат ринулся в бой, когда увидел, что радикальная часть общества готова не на шутку померяться с правительством. Этого факта уже нельзя замолчать, с ним придется считаться волей-неволей, и русская социал-демократия должна будет поставить в основу своей практической деятельности это явное стремление рабочих масс принять активное участие в освободительной

борьбе всей русской демократии; она должна будет сделать это, если не пожелает остаться за бортом, если не пожелает передать своего права на руководство движением пролетариата другим политическим силам.

Но участие русского пролетариата в русской освободительной борьбе будет тем плодотворнее для его классовых интересов, для его конечных целей, а вместе с тем и для интересов демократической свободы, чем сознательнее будут бороться политически рабочие массы, чем самостоятельнее будут они проводить в общем политическом движении свою политику. Если для всех недовольных элементов русского общества в начавшейся борьбе дело идет, главным образом, об обуздании невыносимого полицейского самодержавия, то для пролетариата в его классовых интересах, в интересах его конечных целей и в интересах непосредственного улучшения его положения необходимо низвержение самодержавия и основание свободной демократии, обеспечивающей пролетариату легальную защиту его классовых интересов. И первый долг русской социал-демократии в ее будничной работе дать такое политическое воспитание пролетариату, чтобы в критические моменты, какими являются переживаемые нами дни, он сумел ясно и резко выразить в общем хоре недовольных эту свою ноту. Надо признать, что с этой точки зрения события февральских и мартовских дней наглядно показали, что нашей партии еще много осталось работать в указанном направлении. И остается пожелать, чтоб она немедленно и повсюду с удвоенной энергией приступила к этой благодарной работе.

Те же события показали соответствующие недостатки и нашей организации. Приспособленные к пропаганде и к повседневной агитации, наши организации не пригодны еще к тому, чтобы руководить массовыми демонстрациями, благодаря чему последние много теряют в силе и оформленности. События, подобные только что пережитым нами, конечно, случаются не часто; но во-1-х, надо ожидать, что они будут становиться все чаще; а во-2-х, как бы они ни были редки, партия должна быть готова к ним, чтобы всегда суметь с наименьшей затратой жертв добиться наибольших результатов. При лучшей организации никакие полицейские ухищрения не помешали бы рабочим явиться в назначенный час в назначенное место; при лучшей подготовке организованных сил толпа не оказалась бы так беспомощной, когда войска стали подвергать ее избиению. При надлежащей организации удалось бы все протестовавшие массы сконцентрировать в одном пункте и рассеянную в одном месте толпу собрать в другом. При наличности такой организации можно было бы в ходе манифестации направлять внимание толпы на новые и новые поводы

для выражения своего протеста и на каждый акт произвола и насилия властей отвечать актом революционного насилия против, скажем, правительственных зданий или органов мракобесия. Одним словом, чтобы бороться с правительством на площадях и улицах, наша партия должна реформировать свою организацию. Но та же реформа организации необходима и для выполнения более широкой агитационно-политической работы.

На массовые народные протесты царское правительство ответило мерами кровавого насилия, избиением и убийством безоружных людей, опубликованием плана военной кампании против непокорного населения крупных центров (см. циркуляр Сипягина[12] от 12 марта). Тысячами жертв правительство пытается, конечно, отомстить за то, что оно пережило за эти дни, за позорный побег царя из своей столицы в день 4 марта, за освистание его высочайшего наместника в Москве. Всеми этими мерами правительство не сможет залечить той глубокой, кровью сочащейся раны, которую оно получило в эти дни. Как бы ни бесновалась реакция, того, что сделано, она не отнимет у революции, – она не уничтожит состоявшегося сближения между радикальной интеллигенцией и народными массами на почве революционной борьбы, она не отнимет у народа той революционной выучки, которую он приобрел в этот месяц, она не сможет погасить ярко блеснувшего в эти дни общего сознания того, насколько непримиримо враждебны, бесконечно чужды друг другу два столкнувшихся мира – старая Россия, мир казацкой нагайки и полицейского насилия, мир ханжей святейшего синода[13], мечтающих о кострах для еретиков и их сочинений, мир продажных ученых и продажной печати, защищающиеся от народа вооруженной силой, и мир свободной мысли и пролетарского энтузиазма, молодая, рвущаяся к свету и к свободе Россия. А потому какие бы новые удары ни ждали в ближайшем будущем борцов за свободу, как бы ни казалось тягостно могущее наступить затишье после только что разыгравшейся бури, нам не придется падать духом, не придется сомневаться в будущем нашего дела. Ненавистные цепи, сковывающие молодую Россию, уже надорваны; еще ряд героических усилий, и они разлетятся в прах. Как бы ни повлияли на массу новые

---

[12] Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853 – 1902), министр внутренних дел России (1900). Руководитель жестоких карательных мер против рабочих, крестьянских, студенческих движений. Вдохновитель русификаторской политики на национальных окраинах. Убит эсером С. В. Балмашевым.

[13] Святейший синод – один из высших государственных органов в России в 1721 – 1917 гг. Ведал делами православной церкви. Возглавлял обер-прокурор, назначаемый царем. После 1917 г. – совещательный орган при патриархе Московском и всея Руси.

реакционные меры правительства, мы смело можем смотреть в лицо будущему и обратиться к товарищам со словами поэта:

Пускай же сгущаются мрак и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поет,
Верь в молодость, верь в ее силу и счастье,
Зови ее словом отважным вперед.

Искра. 1901. Апр. № 3.

ПРОГРАММА РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ

Впервые опубликована в «Искре» (1902, 1 августа).

Под редакцией г-на Струве стал выходить в Штутгарте либеральный орган «Освобождение». После 3-летней борьбы с революционным марксизмом во имя бернштейнианства г-н Струве убрался, наконец, в лагерь либеральной буржуазии. Скатертью дорога!

Революционный пролетариат вынужден считаться с тем, что от времени до времени иные захваченные волной его исторического движения интеллигенты отделяются от него и перебегают в тот политический лагерь, где общественному деятелю легче рассчитывать на непосредственный успех его работы. И если бы эти перебежчики могли, уходя к либеральной буржуазии, внести в ее среду хотя бы только то революционное настроение, ту непреклонную ненависть к царизму, которой одушевлены сознательный пролетариат и социалистическая интеллигенция, то мы могли бы еще, пожалуй, мириться с фактами подобного дезертирства. К сожалению, приходится констатировать, что бывшие оппортунисты социализма оказываются слишком умеренными, слишком нереволюционными даже для того, чтобы двигать вперед развитие либерально-демократических элементов.

Вот как определяет г. Струве свою задачу, как литературного представителя либеральной партии: «Дать этому уже готовому, уже созревшему сознанию литературное выражение – вот на что мы притязаем. Мы были бы вполне удовлетворены, если бы на нашу долю выпала лишь роль регистраторов свободной политической мысли в России, если бы мы здесь, за рубежом, могли только предавать тиснению идущее из России свободное слово, являясь его простыми наборщиками и печатниками». И в другом месте: «Это не означает, однако, что редакция от себя предложит читателям готовую программу, содержащую по пунктам решение всех основных вопросов необходимого для страны коренного преобразования. Такая программа должна быть еще выработана общественными деятелями нашей страны и, прежде всего, деятелями самоуправления. Не дать

программу им, а получить ее от них – вот на что рассчитывает редакция «Освобождения».

Мы хорошо знаем, что всякая буржуазия, хотя бы и трижды либеральная, по отношению к своим «идеологам» – к политическим и литературным представителям своего класса – является весьма строгим «хозяином», требующим, чтобы они были не более как «регистраторами» ее «свободной политической мысли», выражающей ее классовые интересы. Мы хорошо знаем, что экономическая необходимость или сила «общественного мнения» данной среды являются достаточно могучими средствами, чтобы достигнуть этой цели и превратить идеологов в простых «регистраторов», в простых «кулиев» (поденщиков) на службе буржуазии. Но об этом не принято говорить. Напротив, принято делать вид, будто бы то, что диктуется «политическою мыслью» буржуазии, выходит из-под пера писателя или из уст оратора, как свободное выражение его собственной политической мысли... Быть может, своеобразность положения г. П. Струве, как вчерашнего марксиста, делала неизбежным особые с его стороны гарантии того, что его политическая мысль совпадает с классовыми интересами... то бишь, с свободной политической мыслью того класса, на служение которому он ныне отдает свои труды, свои знания и свои таланты.

В статье «От русских конституционалистов» мы находим ту политическую программу, которую г. Струве «получил» от русской «земской политической партии», как выражаются о себе авторы статьи. Г. Струве «всецело присоединяется» к этой программе. Два письма «земцев» в 1-м и 2-м №№[14] дополняют эту программу и дают нам возможность составить себе довольно полное представление о характере нового литературно-политического предприятия.

«Отличие нашего органа от других заграничных изданий, – заявляют «конституционалисты», – заключается в том, что мы предполагаем объединить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе».

Итак, либералы намерены и впредь оставаться вне сферы революционной борьбы. Не вовлечь либеральную буржуазию на путь революционной борьбы против царизма, а оставить ее на том пути нереволюционной оппозиции царизму, на котором она топчется без всякого успеха 40 лет; не двигать либеральную буржуазию вперед, а

[14] Имеется в виду помещенное в первом номере «Освобождения» «Открытое письмо от группы земских деятелей».

держать ее на одном месте, – вот цель «земской политической партии».

«Мы вовсе не желаем порвать с той мирной и легальной деятельностью, на почве которой мы, по мере наших сил, работали до сих пор», говорят земцы в № 2 «Освобождения», а г. Струве в редакционном заявлении с большим усердием защищает эту позицию от критики тех «тенденциозных» социалистов, которые думают, что «мирная и легальная» культурная деятельность не есть еще та политическая борьба с царизмом, которая является обязанностью всякого русского гражданина. «Такому движению, – говорит г. Струве, – нельзя навязывать, в качестве общеобязательных, средства, пригодные и приемлемые только для отдельных крайних групп, нельзя внушать взглядов и настроений, которыми оно в целом и общем не может проникнуться» (курсив наш). Вместо того, чтобы «глаголом жечь сердца» российских обывателей, напоминая им, что борьба с «национальным врагом» – царизмом требует «подвигов» и героических настроений, вместо этого им внушают, что «выше лба уши не растут» и что только «отдельные крайние группы» могут стать выше жалкой «культурной» и легальной работы в современных условиях, массе же позволительно застыть в ее трусости, половинчатости и эгоизме. Наши «критики марксизма» и бернштейнианцы много старались о том, чтобы привить надо, социал-демократам, такое мнение о праве рабочей массы оставаться вечно в этом состоянии политического младенчества. Наш пролетариат отказался от этой почетной позиции. Неужели г. Струве будет иметь больше успеха с той же проповедью, обращаемой им ныне к массе либеральных собственников?

Какова же политическая задача новой партии, если она так решительно открещивается от задачи самостоятельной политической (т. е. при современных русских условиях – революционной) борьбы? Ни одним словом «Освобождение» не дает нам основания думать, чтобы этой задачей было – содействие революционной борьбе, уже ведущейся, т. е. борьбе рабочего класса, борьбе учащейся молодежи или загорающейся борьбе крестьянства. Задача новой партии – «организовать политически ясное, солидарное и сильное своей сознательностью и сплоченностью общественное мнение». Очень хорошо. Но какова же будет роль этого организованного общественного мнения? На этот вопрос и отвечает нам статья «От русских конституционалистов».

«Многочисленные признаки показывают, что разложение нашей государственной формы идет быстрыми шагами вперед». Революционное брожение в «низших слоях населения», «широко развившееся рабочее движение», студенческие беспорядки, террористические факты и

крестьянские бунты – все эти активные нападения на самодержавие должны, по мнению наших либералов, вынудить правительство «приступить к серьезной политической реформе» и для этой цели обратиться к земству. И вот роль «организованного общественного мнения» либеральных собственников сводится к тому, чтобы подготовиться к этому важному моменту и наметить программу действий для этого момента. Другими словами, либералы организуются не столько для борьбы с царизмом в настоящее время, сколько для переговоров с царизмом в такое время, когда последний, под влиянием ужаса перед рабочим движением и другими революционными силами, станет думать о «серьезной политической реформе». Какие же условия поставят в этот момент наши либералы?

Они потребуют «принципиального признания» (путем царского манифеста) целого ряда перечисленных ими «основных прав»: свободы печати, собраний и союзов, личной неприкосновенности, равенства перед законом и права петиций[15]. Когда царский манифест даст народу все эти права, отменит всякие незаконные административные распоряжения и даст амнистию осужденным за государственные преступления, тогда царь, признав в принципе «бессословное народное представительство», должен созвать представителей от земств и крупных городов, которые и порешат вопрос о проведении в жизнь всех вышеперечисленных принципов, т. е. выработают конституцию.

Итак, основная задача «земской политической партии» достаточно ясна: когда революцион. движение расшатает царизм, она выступит с требованием, чтобы ликвидация этого царизма и определение основ нового свободно-конституционного порядка было поручено никому иному, а представителям земств и городских дум, т. е. известной части земельных собственников и капиталистов. Стало быть, отказываясь принять участие в борьбе, направленной непосредственно на разрушение ненавистного всем порядка, наша либеральная буржуазия больше всего озабочена тем, как бы сделать, чтобы дело установления нового порядка досталось целиком в ее руки. Мы очень хорошо понимаем это стремление либеральной буржуазии. Для нас очевидно, что, отказываясь от участия в классовой борьбе, направленной против царизма, она тем более спешит подготовить свои силы для классовой борьбы против тех социальных групп, которые добиваются свержения самодержавия, чтобы установить новый

---

[15] По-видимому, до тех пор, пока самодержавие не «пожалует» им права петиций, наши либералы не намерены пользоваться даже этим обычным средством заявления своих желаний. Ведь они «не намерены сходить с легальной почвы».

политический порядок с наибольшей выгодой для их интересов. Конституционалисты пытаются организовать либеральную буржуазию не столько для борьбы за низвержение самодержавия, сколько для того, чтобы приготовить ее к борьбе за право безраздельно хозяйничать в России после победы народа над самодержавием.

Г. Струве скажет, что это – клевета. Он укажет нам, что «конституционалисты» мотивируют необходимость передачи дел выработки нового политического порядка земцам интересами... свободы. Они заявляют, что предоставить выработку этого нового порядка какому-либо избранному для этого специальному собранию – вне земских собраний – прямо-таки опасно. Кто будет созывать собрание? То же самое – все еще самодержавное – правительство? Но «создать канцелярским путем какие бы то ни было новые избирательные коллегии для выбора обществом людей, призванных осуществлять реформу, – значило бы начать с нарушения одного из самых основных принципов реформы». Конституционалисты готовы признать, что собрание представителей земства может оказаться недостаточно демократичным, но... «во всяком случае, такой путь вернее и лучше, чем тот «скачок в неизвестное», который представляла бы всякая попытка выборов ad hoc.[16], под неизбежным в таких случаях правительственным давлением и при трудноопределимом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев» (курсив наш). Итак, «Освобождение» полагает, что для дела свободы надежнее будет отдать реформу в руки земства, так как кроме него налицо будут только два фактора: опытная в политических мошенничествах бюрократия и «непривычные к политической жизни» народные массы. Так ли это, однако? А где же будет организованная сила революционных партий – авангарда народных масс? Неужели существование этих партий, которые своей борьбой приведут к падению самодержавия, будет меньшей гарантией свободы выборов, чем какую представят наши земства, отказывающиеся вести активную борьбу с царизмом, чтобы «не сойти с почвы легальной и мирной деятельности»? Мы полагаем, что в революционный период, т. е. в период выработки нового политического порядка, единственно надежной гарантией против обманов и насилий реакционеров может быть только сознательность народных масс и организованность и решительность тех партий, которые вынесут на своих плечах дело освобождения. И тот, кто серьезно заботится о том, чтобы политический кризис, переживаемый Россией, разрешился не

[16] Для специальной цели.

новым правительственным обманом, а действительным политическим переворотом, тот должен, во-1-х, содействовать политическому сознанию народных масс, а следовательно, развитию в этих народных массах интереса к политической свободе, а во-2-х, – способствовать усилению тех непосредственно борющихся с современным порядком революционных сил, которые своим натиском свалят самодержавие.

А, между тем, наши конституционалисты не делают ни того ни другого. Выступая довольно уверенно как представители всех прогрессивных элементов в России, они до такой степени проникнуты узкоклассовыми интересами одной социальной группы – помещичьего земства, что не пытаются даже связать выставленные на их знамени политические требования с социальными требованиями того рабочего класса, который, по словам самого г. Струве, «проснулся к свободе, требует ее и возьмет ее». В числе «свобод», признание которых в царском манифесте требуется конституционалистами, не упомянута свобода стачек. Даже это требование, в принципе признаваемое либеральными буржуа во всех странах, даже оно должно быть добыто силами самого пролетариата и только его – наши либералы не захотели, хотя бы из приличия, написать его на своем знамени! Требуя «самой широкой амнистии по всякого рода государственным преступлениям», они молчат об амнистии тех, кто осужден за стачки, рабочие и крестьянские беспорядки. В «Открытом письме от группы земских деятелей» (№ 1) о недавних крестьянских волнениях говорится в следующих фразах, которые заслуживают быть выжженными на лбу отставного социалиста, заведующего органом «земской партии»:

«Очевидно, революционная пропаганда в данном случае только и могла принести плоды на почве народного обнищания, невежества, непонимания элементарнейших основ гражданского права, бесправия и разобщенности культурных, мирных элементов общества от народа» (курсив наш).

Итак, агитация, впервые выводящая народные массы из векового политического сна, прививается и дает плоды на почве невежества! К крестьянскому движению, направленному против тех «основ» русского «гражданского права», которые узаконяют первобытнейшие формы кабалы и бесправия, относятся, как к какому-то нашествию варваров... Неудивительно, что те же земцы говорят об «общей почве классовых и эгоистических интересов, вздымающейся подобно ужасному вулкану, который может каждую минуту совершить самые ужасные опустошения». Испугавшись этого страшного вулкана, который в своем извержении,

наверное, безвозвратно унесет в область прошлого и «аренду на отработки», и почтительность «мужичка» и много других прелестей сельской жизни, наши свободолюбивые помещики обещают содействовать «устранению правительственной и народной анархии и царящих у нас ужасных недоразумений, которые готовы толкнуть Россию на путь продолжительных и совершенно излишних страданий, насилий и кровопролитий», и в грозном негодовании на «близорукую и неумелую бюрократию» ставят ей в вину, что она «все расшатывает, в том числе и самодержавие, которому она якобы служит». Даже самодержавие! Да, чтобы добиться себе некоторых прав силами русского народа и не поступиться при этом в пользу крестьян ни одной десятиной земли – для этого не следует окончательно разрывать «даже с самодержавием»!

А поступаться своими экономическими интересами гг. либеральные помещики, видимо, не думают. Выговорив себе полномочие устроить судьбы русского народа в собрании земских представителей, они полагают, что им в свою программу вовсе не следует вводить тех «экономических» реформ, тех мер по «рабочему и аграрному вопросу», которые должны быть проведены после политического освобождения России. Это – дело тех парламентов, которыми нас наградит Земский Собор[17]. В настоящее время нужно говорить только о политических вопросах. Но и не о всех политических вопросах следует теперь говорить. Так, напр., вопрос «об избирательных правах населения» или об отношении народных представителей к монарху имеет несомненно «не только техническое, но и принципиальное значение». Но – «тем не менее, решать эти вопросы в том заявлении, которое должно наметить лишь ближайшие перспективы для выполнения нашей программы, значило бы, как нам кажется, делить шкуру не убитого еще медведя» (курсив наш). И в самом деле: чем «делить шкуру» политических прав с народом, почему бы, как выражается один товарищ в присланном нам письме, не взять ее целиком? Выступая в качестве представителей всей России, наши помещики не только не хотят связать себя обещанием поддерживать народ в его насущнейших экономических требованиях, они не берут на себя даже обязательства предоставить ему политическое равенство, немыслимое без равного и всеобщего избирательного права. И эти люди думают, что народ сочтет передачу «дела реформы» в их руки надежной гарантией того, что проливаемая им в борьбе за свободу кровь прольется не даром!

---

[17] Земские соборы – высшие сословно-представительные учреждения в России середины XVI – конца XVII в. На Земских соборах рассматривались важнейшие общегосударственные вопросы.

Да и какое доверие могут питать народные массы к политическим деятелям, которые, собираясь «организовать общественное мнение», не только всячески открещиваются от звания «революционеров», но и не отказывают себе в удовольствии выразить свое порицание тем, кто своей самоотверженной борьбой пролагает путь свободе? Как раньше, так и теперь, пишут земцы (в № 2 «Освоб.»), мы остаемся противниками всякого насилия, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу (курсив наш).

Кокетничание с тем самым самодержавием, которому объявляется война, страх собственника перед тем самым народом, во имя интересов которого требуется для «земской партии» роль представителя «нации»; плохо прикрытая защита классовых интересов помещиков – наряду с громкими фразами против классовой борьбы – и предательские попытки дискредитировать революционное движение в то самое время, когда все расчеты строятся на его успехе, – таковы основные элементы политического направления «конституционалистов».

Ни рабочий класс, ни революционная демократия вообще не могут оказать такой партии никакого политического кредита.

Искра. 1902. 1 авг.

ЗА ЧТО БОРОТЬСЯ

Впервые опубликована в «Социал-демократе» (1909, № 3, 22 марта).

«Цель ничто – движение все», этот бернштейнианский лозунг никогда не пользовался в нашей партии почетной репутацией: напротив, точное определение стоящих перед нами целей отнимало у нас подчас гораздо больше сил, чем фактическое движение, так что содержание некоторых периодов истории нашей партии может быть без затруднения изложено в цитатах из различного рода резолюций о «текущем моменте».

Хороша или плоха эта традиция, но она бессменно царила до Лондонского съезда. Здесь, как известно, произошел серьезный поворот в официальных партийных взглядах на текущие вопросы тактики, закрепленный в ряде конкретных резолюций. Между тем, какого-нибудь нового определения тех целей, которым должна быть подчинена вся партийная тактика в целом, на съезде не последовало. Ясно, что то общее определение ближайших целей нашего движения, которое заключается в партийной программе (Учр. Собр. и Дем. Респуб.), уже недостаточно для принципиального освещения нашей тактики с тех пор, как внутри партии наметились самые противоположные воззрения на социальное содержание и роль общественных классов указанного в программе переворота.

Я не ошибусь, если скажу, что в среде большинства, стоящего на почве

решения Лондонского съезда, в течение протекших полутора лет царило изрядное разномыслие в этом вопросе – в вопросе об основной задаче нашего движения[18].

Последняя общепартийная конференция в своей резолюции о текущем моменте пыталась положить конец этому разброду, заявив: «целью этой борьбы является по-прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционное крестьянство и совершающим буржуазно-демократический переворот» и т. д.

Приходится, к сожалению, констатировать, что немедленно после того, как конференция разъехалась, проявились признаки того, что разброд нисколько не прекращается.

В передовой статье центрального органа (см. С.-Д. № 2)[19], притом в статье, посвященной специально итогам работ конференции, мы читаем:

«Борьба по-прежнему ведется – говорит резолюция – за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством» (курсив мой. – Л. М).

Что «резолюция говорит» не совсем это, видно из того, что формула «пролетариат и крестьянство», предложенная конференции, была ею отвергнута, а вместо нее принята формула: «пролетариат, опирающийся на революционное крестьянство».

Что резолюция говорит не совсем это, признает и редакция «Пролетария», когда в № 42 замечает:

«Большевики предлагали свою старую, на наш взгляд, лучшую формулировку: пролетариатом и революционным крестьянством... но и на конференции прошла худшая формулировка тов. поляков. Товарищам из П. С.-Д. сделана эта уступка, но в основном они разделяют нашу резолюцию, одним из основных положений которой является, конечно, диктатура пролетариата и революционного крестьянства, как б-ки ее всегда понимали».

А кавказская (меньшевистская) делегация в своем отчете (см. стр. 13) утверждает, что резолюция говорит совсем не это, ибо «член польской делегации пояснил, что поляки против этой поправки (т. е. против пресловутого «и») и настаивают на своей формуле, отличающей их как от

---

[18] Достаточно только упомянуть о том, что в течение долгого времени многие, в том числе и тов. Ленин (см. его предисловие к статье Каутского о «перспективах»), решительно отрицали буржуазный характер нашей революции, несмотря на то, что, как справедливо напомнил недавно «Пролетарий», признание предстоящей революции буржуазною искони составляло одну из основных черт, отличавших наше мировоззрение от с-р.-ского.

[19] Имеется в виду статья В. И. Ленина «На дорогу».

б-ков (захват власти одним пролетариатом), так и от тов. Троцкого (буржуазно-демократическое содержание переворота)». Выходит, что польские товарищи вовсе не разделяют «идею диктатуры пролетариата и революционного крестьянства, как б-ки ее всегда понимали». Выходит, следовательно, что последняя идея вовсе не санкционирована конференцией и что, поскольку «товарищам из П. С.-Д. сделана эта уступка», постольку нельзя, разъясняя принятые конференцией решения, выставлять целью нашей борьбы что-либо иное, как диктатуру пролетариата, опирающегося на революционное крестьянство. Может быть, это и «худшая формулировка», но она лучше выражает идею, руководившую польскими товарищами и одобренную конференцией.

Коренное различие между двумя формулами уже давно с полной ясностью показал т. Троцкий[20]. «Из всего сказанного ясно, как мы смотрим на идею «диктатуры пролетариата и крестьянства». Суть не в том, считаем ли мы ее принципиально-допустимой», «хотим» ли мы или «не хотим» такой формы политической кооперации. Но мы считаем ее неосуществимой – по крайней мере, в прямом и непосредственном смысле. В самом деле. Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо, что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно». И далее (стр. 250): «...весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство?». Одно дело, когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве участвуют представители демократического населения, другое, – когда в определенном буржуазно-демократическом правительстве участвуют в качестве более или менее почетных заложников представители пролетариата».

Для того, чтобы пролетариат овладел властью, опираясь на крестьянское движение, нужны совсем иные политические предпосылки, чем для того, чтобы он овладевал ею совместно с крестьянством. Троцкий справедливо говорит (там же, стр. 253): «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Для того же, чтобы крестьянство совместно с пролетариатом захватило власть в борьбе со всеми буржуазными классами, оно должно обладать очень значительной степенью сознательности, должно подняться до сознательного антагонизма с буржуазией в целом.

---

[20] См., например, в его книге «Наша революция», стр. 253.

У Троцкого, как известно, из его формулы вытекает неизбежность того, что пролетариат, овладев властью, будет вынужден «перешагнуть» рамки буржуазной революции. Польские товарищи, а за ними и конференция, в этом пункте отмежевались от Троцкого, обязавшись, что пролетариат у власти ограничится «буржуазно-демократическим переворотом». Это расхождение не мешает, однако, тому, что конференция согласилась именно с Троцким в вопросе о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством в борьбе за власть.

Комментируя резолюцию VI съезда П. С.-Д., легшую в основание интересующей нас резолюции конференции, тов. Ледер[21] (в № 43 «Пролетария»), в свою очередь, заявляет: «Съезд по вопросу о задачах партии в текущий момент не стал ни на точку зрения определенного «большевизма», ни «меньшевизма». Его позиция определилась тем... убеждением, что единственной силой, способной и призванной в России низвергнуть самодержавие и осуществить перестройку его в современное буржуазно-демократическое государство, является пролетариат, которому для осуществления этой задачи придется опереться на широкие слои революционного крестьянства. Этот взгляд отличается принципиально (курсив мой. – Л. М.) от большевизма, поскольку он не исходит, подобно большевизму, из априорного положения, что раз переживаемая нами революция – буржуазно-демократическая, крестьянская, то, стало быть, руководящая роль в ней принадлежит и пролетариату и крестьянству; он совершенно радикально отличается от меньшевизма» и т. д.

В том же духе высказывается и тов. War[22] в № 10 «Przeglad S. D.» [23].

И «Социал-демократ», и «Пролетарий» поэтому могут лишь сбить с толку читателей, когда пытаются подменить принятую формулу той, которая была отвергнута, или когда пытаются его убедить»[24], что обе одинаково выражают одну и ту же «основную идею».

---

[21] Ледер Владислав (1882 – ?), деятель польского рабочего движения, в 1903 г. вошел в состав Варшавского комитета социал-демократии Польши и Литвы. Был членом редакции центрального органа партии газеты «Социал-демократ». Во время первой мировой войны занимал недостаточно четкую позицию. В 1918 г. примкнул к большевикам. С 1919 г. вел профработу, сотрудничал в польской коммунистической печати.

[22] War – Варский (Варшавский Адольф, 1868 – 1937), в революционном движении с 1888. Организатор Лондонского съезда, входил в ЦК РСДРП и в редакцию газеты «Социал-демократ» (1909 – 1910). Член ЦК (1919 – 1929) и Политбюро КП Польши (1923 – 1929). В 1929 г. эмигрировал, жил в СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[23] «Przeglad S. D.» – («Социал-демократическое обозрение» – теоретический орган социал-демократии Польши и Литвы, издавался в 1907 – 1910 гг. под редакцией Л. Иогихеса-Тышко, при участии Розы Люксембург, Юлиана Мархлевского и др. Вышло 19 номеров.

[24] См. опять в № 43 «Пролетария» в примечании к статье тов. Ледера.

Мне сдается, что это не в интересах развития партийной мысли. В определении целей нашей борьбы нужны ясность и точность. «Замазывать» или «заклеивать» те или иные возможные разногласия относительно определения этих целей достойно лишь тех, для кого «цель ничто, а движение – все».

Но вам-то какая печаль? спросят меня, быть может, принципиальные противники. Ведь, для вас, меньшевиков, как для Бланки Кастильской у Гейне, «равно благоухают оба» ответа на вопрос о целях: и диктатура с «и», и диктатура без оного? Отчего же вы, как Шейлок, требуете уплаты по векселю фунта мяса, требуете, чтобы пропагандировалась точь-в-точь та формула – слово в слово, – которая была принята на конференции?

Отвечу коротко: мы – меньшинство – одинаково не разделяем ни той, ни другой формулы[25]. Но мы, не берясь защищать перед рабочими теорию, одобренную большинством, обязаны верно излагать ее перед ними. Для одного этого нам необходимо, чтобы официально признанный текст не подвергался произвольным изменениям. А затем мы все, без различия фракций, заинтересованы в том, чтобы раз отвергнутые заблуждения не преподносились рабочим в виде официальных взглядов партии.

Отвержение формулы «диктатура пролетариата и крестьянства» представляет важный шаг по пути освобождения русской социал-демократ. мысли из народнического пленения. Потратив немало усилий на критику этой формулы, мы и впрямь можем считать, что получили от конференции нечто вроде векселя на ее устранение из партийного обихода. И мы надеемся, что у товарищей, принадлежащих ко всем течениям партийной мысли, найдется достаточно уважения к теоретической истине, чтобы они отвергли всякую попытку свести борьбу идей к спору о словах, всякую попытку прикрыть эволюцию мировоззрения крючкотворским толкованием формул.

Л. Мартов.

От ред.: На затронутые в настоящей статье т. Мартова вопросы дает ответ статья тов. Ленина, к существу которой редакция присоединяется[26].

Социал-демократ. 1909. 22 марта.

---

[25] Свой взгляд на вопрос по существу и на все даваемые ныне разными течениями в партии «формулы русской революции», я изложил еще два года назад в статье, разбиравшей взгляды Каутского. С тех пор мне не пришлось отказываться ни от одной из высказанных там мыслей; напротив, я с удовольствием констатирую, что основную ошибку Каутского (объявление русской революции небуржуазной) в настоящее время не разделяют ни тов. Ленин, защищавший ее в предисловии к «движущим силам и перспективам», ни т. War (см. указ, статью в «Przegl.». стр. 784).

[26] Первая половина статьи В. И. Ленина «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» была помещена в этом же номере после статьи Мартова, а ее окончание в качестве передовой в следующем номере «Социал-демократа».